

Драконий камень 3 до н.э.

Висеня Таргариен.

Когда она проснулась сегодня утром, последнее, что она ожидала, это быть лицом к лицу с другим Драконьим Всадником, не говоря уже о том, кто назвал себя ее родственником. Тем не менее, когда она посмотрела в лицо человеку, который назвал себя Эймоном Таргариеном, ей было трудно отрицать, что он был тем, кем он себя называл. Даже несмотря на его темные волосы и серые глаза, которые называли его настолько далеким от валирийского, насколько это возможно.

Поэтому, в то время как Эйгон и Рейнис смотрели на мужчину с подозрением и сомнением, что-то, что она разделяла, по крайней мере, немного, она смотрела на него с чем-то другим, интересом. То, что он прибыл в этот день всех дней, что он привез с собой дракона, который был почти таким же большим, если не больше, чем Балерион, и что он явно был воином, который сражался во многих битвах, как Эйгон, было ясно для нее. Чего не было, так это того, был ли он таким же сумасшедшим, как его история, или того немногого, что они получили от нее до сих пор, казалось бы, указывало ему на это.

Когда его попросили отказаться от оружия, она ожидала, что он откажется. Если бы Эйгон была в том же положении, не то, чтобы она знала, как это может произойти, то он бы это сделал. Тем не менее, Эмон передал свой меч и кинжалы без каких-либо аргументов. То, что он сделал это с ней, а не с ее братом, вызвало небольшую ухмылку на ее лице, как это было при взгляде на сами лезвия. Все три были сделаны из валирийской стали, причем меч ублюдка был так же хорошо сделан, как Блэкфри Эйгона или ее собственная Темная Сестра. У него было три фуллера, вырезанных в лезвии, и когда она держала его в руке, она почувствовала, что он не намного тяжелее, чем Темная Сестра, и, конечно, светлее, чем Блэкфри. За исключением поммеля, который был плохо сделан и по какой-то причине представлял собой рычащую голову белого волка с красными гранатовыми глазами, меч не был бы неуместным с мечом Эйгона или ее собственного. Она была в середине восхищения этим, когда услышала, как Эйгон попросил Эймона присоединиться к ним в крепости.

«Вы вернетесь к нам, и мы сможем говорить там больше. Твой дракон будет в мире?» — спросил Эйгон, и Висеня посмотрела, чтобы увидеть, как Эймон смотрит на Зеленого Дракона, теплая полуулыбка на его лице, которая несколько смягчила его черты лица.

«Да, Рейгал будет в мире». Эймон сказал, что его северный заусенец только поднимает еще больше вопросов в ее голове.

«И вы примете гостя, верно?» — спросил Рейнис, пытаясь звучать внушительно и не совсем справляясь с этим.

— Ага.

Она смотрела на то, как Рейнис удваивается на горе Эйгона, а Эймон берет ее. Ее брату и сестре было гораздо комфортнее, и она осмелилась сказать это, счастливая, кататься вместе, чем они были порознь. Когда они ехали, она слышала их смех, и хотя она, как всегда, никогда не обижалась на их радость и комфорт друг с другом, это заставило ее скучать по тому, чтобы иметь что-то из этого для себя. Отвернувшись от них, чтобы ей не пришлось наблюдать за поцелуями, которые неизбежно должны были прийти, она обнаружила, что теперь смотрит на Эймона, который, к ее удивлению, казалось, смотрел прямо на нее. На мгновение она была ошеломлена, затем она почувствовала небольшую гордость за то, что именно на нее он

смотрел, а не на ее брата и сестру, как это делало большинство. Вскоре, хотя она увидела, что этот взгляд действительно показал, она обнаружила, что концентрируется на этом.

Редко она видела такую печаль в чьих-то глазах, как в темно-серых глазах Эймона. Даже маленькой полуулыбки, которую он носил на своем лице, когда они проходили над скалами, и он смотрел вниз на бухты под ними или когда они приближались к крепости, не было достаточно, чтобы удалить ее. Тем не менее, в этих глазах было что-то еще, что она не могла дать ему имя. Решимость, стойкость, надежда, она не знала, что это такое, и поэтому она поклялась себе, что разберется в этом раньше, чем позже.

Когда они добрались до самого хранилища, она увидела, как он вытащил шальную слезу из глаза. Что-то он сделал все возможное, чтобы скрыть от нее и ее братьев и сестер. Эйгон и Рейнис были слишком погружены друг в друга, чтобы увидеть это, и так делала только она, что Аэмон заметил, когда спешил. Он снова дал ей ту же маленькую полуулыбку и добавил кивок головой, а затем она увидела, как Эйгон предложил ему войти в крепость. Она слушала, как Эйгон сказал, что они должны пойти в Тронный зал и Камеру Расписного Стола. Затем ее брат протянул руки, чтобы помешать охранникам остановить продвижение Эймона или проложить путь, и она и Рейнис оба шли позади Эйгона, когда Эймон вел их через крепость.

«Ты думаешь, что он знает дорогу?» Рейнис прошептал, а Эйгон пожал плечами, но если бы она спросила ее, то Висеня ответила бы гораздо утвердительнее.

Поэтому, когда они шли позади него, они делали это с разными ожиданиями его успеха. Висеня позволила редкой полной улыбке прийти к ее лицу, когда он привел их в Тронный зал и через него в Камеру Расписного Стола. Его шаги были безошибочными, он ни разу не остановился и не показал никакого признания внутри их семьи, и поэтому его слова, несмотря на то, насколько странными или странными они могли быть, казались правдой. Она и не подозревала, насколько странными или странными вскоре станут эти слова.

Достигнув Зала Расписного Стола, Эйгон послал за угощением, и она почти ожидала, что он сядет на приподнятое кресло. Вместо этого ее брат занял место, которое позволило ей и Рейнису сесть рядом с ним, а Эймон занял место напротив всех троих. Когда принесли еду, она поклялась, что увидела, что Эймон смотрит на нее почти жадно, и когда ему дали отпуск помочь себе, он сделал это с радостью. Висеня почти усмехнулся над тем, как жадно он ел, и Эйгон послал за едой задолго до того, как он закончил.

«Простите меня, но прошло некоторое время с тех пор, как я съел пищу, которую Рейгал или я не готовили и не добывали для себя, и даже дольше с тех пор, как это была еда такого качества». — сказал Эймон, когда закончил вторую помощь.

— Почему? — спросил Рейнис, и Висеня повернулась, чтобы посмотреть на свою сестру, думая, что это глупый вопрос, только чтобы обнаружить, что это очень не так, и что это оказалось причиной истории, подобной которой она никогда не слышала раньше.

«В свое время я провел почти три года в одиночестве, не имея никого, с кем можно было бы поговорить или посмотреть, кроме Рейгала. Еще до этого пищи было мало, и мало кто рос или жил. В последний раз я ел домашнюю еду почти семь лет назад... на самом деле сейчас это почти триста так трудно поверить». — сказал Эймон, смеясь про себя, когда он это сделал.

«Триста? Я не знаю...»

«Какой это год? Твой отец живет до сих пор? Жив ли Аэрион?» — спросил Эймон, прерывая вопрос Эйгона.

«Наш отец умер через шесть лун», — грустно сказала она и была удивлена сочувственным взглядом, который он ей дал.

«Я сожалею о вашей потере. Слишком многие из наших родственников идут раньше своего времени, ваш отец, по крайней мере, прожил хорошую жизнь, и вы должны проводить с ним много времени». Аэмон сказал, и Висеня почувствовал, что в его собственной жизни есть что-то в его собственных словах, которые он говорил, она собиралась подскочить, когда он снова заговорил: «Это сделает это 3 г. до н.э.».

«ВС?» — спросила она с любопытством, никогда не слыша, чтобы об этом говорили годами.

«До завоевания». — сказал Эймон, и Рейнис громко ахнул, когда Эйгон поднялся на ноги.

— Что ты знаешь о завоевании? — потребовал Эйгон.

«Много и мало, много и мало». Эймон сказал, и прежде чем кто-либо мог попросить его объяснить, извне раздался громкий голос Ориса, и вскоре к ним присоединился кто-то, кто смотрел на Эймона еще более подозрительно, чем Эйгон сейчас.

Драконий камень 3 до н.э.

Эйгон Таргариен.

Он стоял у открытого окна, глядя вниз на скалы внизу. Вдалеке пролетели четыре дракона, и если бы он повернул голову, чтобы посмотреть на них, то он увидел бы, что они летят вместе. Эйгон, однако, не повернул голову и даже по-настоящему не видел камней, на которые он смотрел. Он был настолько погружен в свои мысли, что едва ли что-либо слышал или видел. Если бы Рейнис не взял свою руку в ее руку, то кто знает, как долго он бы простоял там, не говоря и не двигаясь.

«Яйцо, ты здоров?» — обеспокоенно спросила его сестра-жена.

«Как и можно ожидать моей любви», — сказал он, подняв их объединенные руки к своему лицу и поцеловав ее гораздо мягче.

«Вы на самом деле не верите в это дерьмо?» Орис сказал сзади, и Эйгон повернулся, чтобы посмотреть на своего самого близкого и верного друга, его темные глаза показывали огонь, который он узнал и даже иногда боялся.

«Я знаю, что, когда я проснулся сегодня утром, в известном мире было всего три Драконьих всадника, а теперь их четыре. Я знаю, что, когда он вошел в эту крепость, он ходил как человек, который был здесь не раз, хотя ни я, ни Рейнис, ни Висеня не видели его до сих пор. Его история, конечно, невероятна, но посмотрите мне в глаза и скажите, что он лжет?» — спросил он, не получив ответа ни от Ориса, ни от Рейниса.

«Так что же нам с ним делать?» — спросил Орис, и на этот раз у него не было ответа.

Висеня, казалось, была почти влюблена в человека, который называл себя их родственником, конечно, заинтригованная, и поэтому он оставил ей возможность увидеть Аэмона. Он надеялся, что, когда они оба выйдут из комнаты, он сможет, по крайней мере, ясно мыслить, рассматривать варианты перед ним и решать, были ли ужасы, которые, по словам Эмона, постигнут их дом правдой или заблуждениями сумасшедшего. Хотя на самом деле он знал, что, хотя в Эймоне что-то сломалось, он был далек от сумасшествия.

Тактик в нем пытался сосредоточиться на том, что это будет означать для их планов. Как наличие четвертого дракона и Драконьего всадника позволило бы им сделать еще больше. Просто глядя на Эймона, было легко назвать его воином, и, учитывая размер Зеленого Дракона, на котором он ездил, грозный. Тем не менее, было трудно заглянуть немного в будущее, не заглянув еще дальше в него. Будущее, которое было наполнено предательствами, войнами, и которое в конце концов привело бы к тому, что один из членов их дома стал бы не просто последним Таргариеном в мире, а последним живым человеком.

— Яйцо? Рейнис спросил, когда он не говорил в течение некоторого времени.

«Прости меня, любовь моя», — сказал он, нежно поцеловав ее в щеку.

«Как проходит подготовка?» — спросил он, когда он и Рейнис перешли к Расписному столу, Эйгон почувствовал себя лучше, если он отпустил свой ум куда-то еще, кроме того, где он был.

«Мы так же готовы, как и когда-либо, вы уверены, что это там, где вы хотите приземлиться?» — спросил Орис, указывая на устье Blackwater Rush.

«Нам понадобится владение в землях, Орис, первое место, которое мы считаем своим», — сказал он, и Орис кивнул.

— А как насчет предложений? — спросил Рейнис, и Эйгон сильно ухмыльнулся, к ее раздражению.

«Ты действительно думаешь, что я возьму другую жену?» — спросил он, глядя на нее, а затем покачивая головой, когда она увидела его веселье более ясно, что это было.

«Нет. Но мы должны ответить на предложение Аргиллака, не так ли?»

«Мы должны, и все же теперь я нахожу, что теперь я должен больше думать об этом. Предложение, которое я должен был сделать, возможно, было заменено другим, которое может найти больше благосклонности». Эйгон сказал, и он увидел, что Орис и Рейнис смотрят на него с интересом.

Он почти выписал ответ, предложение руки Ориса для дочери Аргиллака. В то время как Эймон мало что сказал о Штормовых землях и их роли в будущем, Эйгон чувствовал, что это из-за присутствия Ориса, и поэтому ему нужно было узнать больше, чтобы увидеть, думает ли он умно или нет. Идея отдать Драконьего всадника в любой дом была той, которая наполнила его проблемами, но смог ли он взять Штормовые земли без битвы, тогда это могло только помочь ему с остальными его планами.

— А Дорн? — спросил Орис, и Эйгон покачал головой.

«Так же, как и в Долине, предложения о союзе без соблюдения бессмысленны, когда это их верность или их земли, которые я стремлюсь иметь для своих собственных».

— Есть ли у нас мужчины? Рейнис спросил, глядя на Ориса, а не на него, и Эйгон знал ответ задолго до того, как он был произнесен. Если завоевание, которое он так тщательно планировал, дошло до людей и только людей, они уже проиграли.

«Мужчины не выиграют эту войну, моя леди». — сказал Орис, а Эйгон улыбнулся.

«Ты останешься на ужин?» — спросил он, и Орис кивнул: «Завтра мы должны проверить

храбрость нашего гостя», — добавил он и увидел рвение в глазах Ориса, когда он поднялся на ноги.

Довольно скоро он остался наедине с Рейнис, его любовь переместилась к нему, а Эйгон взял ее на руки и крепко обнял. Она проявила большую силу, когда они слушали, как Эймон говорит о будущем, и он предложил ей то небольшое утешение, которое он мог тогда, теперь ей нужно было гораздо больше, и поэтому он предложил ей это тоже.

«Эймон... что он...»

«Если то, что он говорит, правда, то его пребывание здесь дает нам возможность изменить это, не так ли?» — спросил он, и она посмотрела на него с надеждой в глазах: «Наше будущее — это то, что мы делаем для него, моя любовь, наша судьба — наша собственная. Дракон — не раб», — сказал он и нежно поцеловал ее, поцелуй вскоре нарастал в своей интенсивности.

Она никогда не должна была вырасти туда, куда она могла бы вырасти, и еще не привела бы к тому, к чему она неизбежно привела бы. Кашель заставил их обоих повернуться и посмотреть, когда Висеня вернулась в комнату и села. Его сестра выглядела гораздо менее обеспокоенной, чем Рейнис, но опять же, в ней всегда была совсем другая сила, чем в его любви. Именно различия между ними сделали то, что он чувствовал к Рейнису, гораздо более правдивым, чем то, что он чувствовал к Висенье, любовь между ними гораздо более ожесточенной, чем между ним и его другой сестрой-женой.

«Он успокоился?» — спросил он, когда он и Рейнис сели поближе, но не слишком близко к Висенье.

«Я не верю, что человек когда-нибудь будет урегулирован». — сказала Висеня, и Эйгон поймал короткий всплеск ее губы, когда она говорила.

— Ты ему веришь? — спросил Рейнис, и Эйгон уставился на Висенью, когда она отвечала.

«Я верю, что в этом мире есть вещи, которые мы не можем объяснить, вещи, которые мы не можем понять. За все наше время здесь или за все время Эйгона в Эссосе мы ни разу не слышали о другом Драконьем Всаднике, не говоря уже о драконе такого размера, как Рейгал. Эймон верит в то, что он говорит, он не говорит лжи, и все же...»

«То, что он говорит, невероятно», — сказал он, и Висения кивнула.

«Ты веришь, что он наш родственник?» — спросил Рейнис, и Висеня крепко кивнула.

«Хорошо, тогда нам нечего бояться от него, и мы можем многого достичь вместе», — сказал он, и если бы он не смотрел на Рейниса, он бы увидел, как глаза Висении сузились при его словах.

В тот вечер они ели вместе, он сидел с Рейнисом, а Висеня сидела лицом к Эмону, но рядом с Орисом. Их разговор был легким, и Эймон выглядел по-другому в его глазах. Ванна и бритье, которые он сделал, заставили его выглядеть намного моложе, за исключением его темно-серых глаз, которые были глазами гораздо старшего человека. Временами он ловил то, как он смотрел на Ориса и как Орис оглядывался на него, Эйгон почти чувствовал, что он должен отменить утренние лонжероны между ними из-за этого.

В то время как он говорил и с ним, и с Рейнисом и был достаточно дружелюбен, но именно его разговоры с Висеней действительно, казалось, принесли некоторую жизнь в его черты. Или, по крайней мере, так было до тех пор, пока не было сделано упоминание о женах и детях, и тогда

взгляд на лице Эймона был, возможно, таким же грустным, как он когда-либо видел. Даже Висеня, когда их отец умер, не проявил такой печали, как Эмон тогда, и когда он попросил об оправдании, никто из них даже не подумал об отказе ему. Наблюдение за тем, как Висеня встал и последовал за ним, было неожиданностью, и впервые, что он мог по-настоящему вспомнить, Эйгон почувствовал некоторую ревность, когда дело дошло до его второй жены.

«Майхап, мы должны назвать это ночью». Рейнис сказал, увидев его выражение лица, и как только он повернулся и посмотрел на ее собственную, он забыл все о сиюминутной ревности, и это были мысли о ночи, которую они разделяли вместе, на которой он теперь сосредоточился.

Драконий камень 3 до н.э.

Эймон Таргариен.

Накануне вечером он искупался и побрился по-настоящему и правильно впервые за то, что только боги знали сколько лет. Не то, чтобы он не был чистым или что его борода была неопрятной. Когда он находил ручьи, он мылся в холодной воде и всегда подстригал бороду, как мог. Он никогда не позволял ему расти таким диким и кустистым, как у Тормунда. Его ближайший друг был гораздо более способен носить его хорошо, чем Эймон, и, как и прошлой ночью, теперь он заглянул в зазеркалье и старался не слишком много думать о своей судьбе. Ему было трудно это делать в лучшие времена, воспоминания о многих из тех, кого он потерял, всегда подкрадывались к нему, когда он меньше всего этого ожидал.

Будь то когда он видел сны ночью или когда он сидел и ел молча, кроме того, когда он летел на спине Рейгала, воспоминания приходили. Тормунд, Мэнс, Свободный Народ, Люди Ночного Дозора, Барристан Смелый и Джейме Ланнистер, Сер Бонифер Хасты и люди Сотни. Давос Сиворт, который многому его научил, был Лилом и Тру, и как только его разум пошел по этому пути, его семья вскоре станет тем, о ком он думал дальше. Дэни, Визерис, с которым он никогда незнакомился, и Эймон, с которым он провел слишком мало времени. Его дядя Нед, которого он так долго считал своим отцом, и его братья и сестры, потому что это было то, чем они были, и он не называл их двоюродными братьями, когда они были братьями и сестрами его сердца.

Стук в дверь вывел его из зазеркалья и воспоминаний, в которых он, возможно, затерялся. Эймон открыл его, чтобы найти там Висеню, как и прошлой ночью, и еще раз поблагодарил богов за ее прерывание.

«Ты хорошо спал?» — спросила она, и он кивнул, мечты пришли, и он, вероятно, закричал бы, но казалось, что у него может не быть «Мы почти готовы нарушить наш пост, я думала, что ты не захочешь его пропустить».

«Да, ты имеешь на это право, моя леди», — сказал он, и она посмотрела на него, ее фиолетовые глаза задавали вопросы, которые ее губы никогда не произносили, что-то, что он приветствовал, когда они молча шли в большую комнату.

В отличие от предыдущей ночи, их трапеза не была такой приватной, и Эймон чувствовал себя неловко, находясь среди стольких людей. Не то, чтобы его аппетит был затронут или что он проявился в чем-то большем, чем в его глазах. Обучение его выражения было одной из первых вещей, которые он узнал, его жена убедилась, что он знает его ценность, и его собственный темперамент доказал, что он является подходящим учеником так называемой игры престолов. Он жадно ел, как и прошлой ночью, и так же, как и тогда, он принял вторую помощь.

— Так ты чувствуешь себя готовым к спаррингу, Эймон? — спросил Эйгон, и он посмотрел,

чтобы увидеть ухмылку на лице Ориса Баратеона.

К его удивлению, это были темные глаза, а не голубые, которые носил Орис, что, по крайней мере, позволило ему не смотреть на Роберта Баратеона, когда он смотрел на него. Он даже не был уверен, что Орис на самом деле был Баратеоном или взял ли он это имя во время завоевания. В чем он был уверен, так это в том, что человек не доверял ему или даже не любил его, что было тем, чем он был доволен. Мысли о дружбе с основателем дома человека, который убил своего отца и был ответственен из-за этого за смерть своего брата, еще не были тем, что он был готов рассмотреть.

«Да, почему бы и нет», — сказал он, настолько неприязненно, насколько мог, и ухмылка на лице Ориса была той, которую он с нетерпением ждал вытирания.

Когда они шли в район, предназначенный для спарринга, он заметил, как Висеня продолжала смотреть в его сторону, и он задавался вопросом, сможет ли он скрестить клинки с ней в этот день. Мысли о том, как Длинный Коготь сталкивается с Темной Сестрой, были почти такими же захватывающими для него, как и столкновение с самой женщиной, и это вызвало улыбку на его лице, когда он задавался вопросом, что Арья подумала бы об этой истории. Его младшая сестра больше всего любила Висенью и Нимерию.

«Эймон? — спросил Висеня, увидев его улыбку.

«Прости меня, моя леди, я думал о ком-то, для кого ты был кумиром», — сказал он, и именно Рейнис задал ему вопрос, а не Висеня.

«Рассказывают сказки о моей сестре в твоё время, Эймон?»

«О ней, о тебе, моя госпожа, и о самом Эйгоне. Все, чего удалось добиться нашей семье, началось с вас троих, и даже те, кто назвал нас врагами, не могли найти в себе силы пренебрежительно относиться к вашим достижениям», — сказал он, и Рейнис с гордостью посмотрел на Эйгона.

— И я в частности? — спросила Висеня, пытаясь скрыть свое истинное любопытство и свою ухмылку.

«Моя младшая сестра хотела быть воином, моя леди, вы и принцесса Нимерия были теми, на кого она равнялась и кем она хотела быть», — сказал он, надеясь, что больше не будут задавать вопросы, благодарный, когда их нет.

Лонжероны начались, как только они достигли двора, и он был ошеломлен тем, что это была та же область, где он сам потратил так много времени, оттачивая свои навыки. Джейме Ланнистер и Барристан Смелый, он сражался против обоих мужчин здесь, и было трудно не увидеть их призраков, когда он двигался к оружейной стойке. Это должны были быть притупленные мечи, которые они использовали бы сегодня, и когда он взял тот, который он должен был использовать, он был удивлен, что Орис использовал Великий меч, а не молот. Хотя это, вероятно, было к лучшему, так как человек владел тем, что делал его потомок, тогда Эймон не был уверен, что он смог бы сдержаться.

«Мы боремся до уступа». — раздраженно сказал Орис, а Эймон кивнул.

Прошло много лет с тех пор, как он владел чем-то, кроме Длинного когтя. Меч стал продолжением его руки, и поэтому первые два шквала застали его немного врасплох. Орис надавил на свое преимущество, а Эймон сделал все возможное, чтобы просто удержать

человека. Краем глаза он уловил взгляд, который Эйгон дал Висенье, взгляд, который назвал его своего рода лжецом, и было ли это или просто становилось более комфортно с притупленным лезвием, он увеличил свое усилие, и прилив начал поворачиваться.

Довольно скоро Орис был вынужден вернуться, а затем в какой-то момент во время боя у него больше не было спарринга. Его удары были сильнее, его удары более правдивыми, и Эймон потерялся в почти мышечной памяти о совершенно другом бою. Он едва слышал призывы, и если бы не рука, которая коснулась его собственной, то кто знает, что бы он сделал с человеком, который теперь лежал на земле перед ним.

«Прости меня, прости меня», — сказал он, бросив меч на землю и поспешив прочь от спарринг-двора.

Позади него раздавались голоса, а перед ним охранники съезжали с его пути. Вскоре Эймон побежал, когда призраки этого места, наконец, начали звать его. Дэни, Робб, Маргери и его дети, а затем через некоторое время настоящий призрак. Белый волк казался таким реальным, и если бы Висеня не схватил его, то Эймон споткнулся бы о край обрыва настолько отчаянно, что он снова почувствовал бы свой мех. Упав на колени, он закричал и проклял богов за все, что они у него отняли, и за все потери, которые ему пришлось пережить.

Шепотные слова, которые Висеня говорила ему, и звук Рейгала, когда он летел к нему, вскоре потрясли его от отчаяния, когда он поднялся на ноги и приветствовал Зеленого Дракона, когда он приземлился. В то время как взгляд, который он дал Леди Драконьего Камня, был наполнен благодарностью. Когда она предположила, что ему может понравиться летать, и если он пожелает, чтобы она присоединилась к нему, он с нетерпением кивнул, и довольно скоро они были в воздухе. Его разум снова прояснился, и после того, как они полетели в течение некоторого времени, они приземлились и отправились обратно в хранилище.

Он знал, что у него было больше призраков, и что ему нужно найти какой-то баланс. Будущее, о котором он мечтал, о котором мечтал и на которое надеялся, на данный момент исчезло, и это прошлое было тем местом, куда он был послан. Причина этого все еще не была по-настоящему известна ему, но пока он был здесь, он делал все возможное, чтобы сделать их будущее лучше, чем то, которое он знал. Ему нужно было тщательно обдумывать вещи, размышлять о том, что он может им сказать, и о том, что он может изменить. Бороться с инстинктами, которые у него были внутри него, чтобы принести Огонь и Кровь стольким людям и стольким домам, и изменить только то, что он должен, а не то, что он мог.

Более того, ему нужно было понять, что произойдет, если он изменит ситуацию, как и повлияет ли это на будущее. Может ли он спасти их, делая что-то здесь и сейчас? Сможет ли он увидеть их снова? Или это была жизнь, которую он должен был вести, и было ли здесь, чтобы он, наконец, встретил свой конец?

Драконий камень 3 до н.э.

Висеня Таргариен.

Хотя он довольствовался тем, что немного говорил о своем времени и конце их Дома, Эймон не был так откровенен, когда дело доходило до других моментов в их будущем или истории, как для него. Кроме того, что они говорили, что иногда их Дом был их собственным злейшим врагом и что они сталкивались с большим сопротивлением как открытым, так и не в течение своего времени, правя Вестеросом. Того, что они будут править Вестеросом, было достаточно для Эйгона на данный момент, и поэтому ее брат сосредоточился на этом, она, однако, не

могла. Висеня хотела узнать больше, гораздо больше, и она свела свой интерес к Аэмону Таргариену главным образом на это. Несмотря на то, что она начала думать, что это может что-то еще, что вызвало этот интерес.

После того, как они полетели вместе, и она увидела его таким расслабленным, как он когда-либо был, они расстались, и она отправилась поговорить с Эйгоном и Рейнисом, обнаружив, что они, как всегда, завернуты друг в друга. Это было то, что она приняла, то, к чему она действительно не испытывала ревности, кроме отсутствия этого в своей собственной жизни. В то время как она и Эйгон делали пару, это было редко, и осмелилась она сказать, что это неудовлетворительно. Физически она находила больше удовольствия своими пальцами, чем с мужем, и она не отказывала своей сестре, чувствуя это там, где она этого не делала.

— Где наш гость? Эйгон спросил, когда он, наконец, заметил ее.

«Я дал ему разрешение ходить по территории, послал с ним несколько охранников, пока он это делал. Хотя я не сомневаюсь, что если бы он хотел избавиться от них, чтобы он мог быть один, тогда он не нашел бы их истинным препятствием для этого», — сказала она, скрывая свою ухмылку.

«Я боялся за Ориса». Рейнис сказала, что ее голос мягкий, когда Эйгон предложил ей больше комфорта.

«Если бы вы не вмешались, то и я бы тоже. Эймон, безусловно, воин и тот, кто был в некоторых тяжелых битвах». — сказал Эйгон.

«Вы видели подобное раньше? Мужчина, теряющий себя во время борьбы?» — спросила она, заняв свое место и налив себе немного воды.

«Только для тех, кто был по-настоящему травмирован в бою. Грань между истинным врагом и тем, с кем вы столкнулись в какой-то момент раньше, может стать невидимой».

«Ты говоришь, что он может обернуться против нас?» Рейнис обеспокоенно спросил, и Эйгон покачал головой, прежде чем ответить.

«Я сомневаюсь, что если бы это был я, что он боролся, это привело бы к тому же результату».

«Ты думаешь, что мог бы победить его?» — насмехалась она.

«Нет, я видел достаточно его, когда он избивал Ориса, чтобы не желать проверять мой клинок против него на истинность. Я имел в виду, что по какой-то причине он видел Ориса иначе, чем он видит нас». — сказал Эйгон, немного ошеломленный ее тоном.

«Потому что наш Дом на первом месте, Эйгон. Эймон, я думаю, живет этой истиной даже больше, чем я», — сказала она.

«Он больше говорил о нашем Доме?» Рейнис спросил, и Висеня покачал головой: «Как ты думаешь, он это делает?», добавила она, и на этот раз Висеня кивнула, уверенная, что со временем Эймон расскажет все свои секреты.

Оказалось, что некоторые из этих секретов должны были прийти позже в ту ночь, так как после того, как они поели, а Орис ушел, чтобы сделать то, что он делал время от времени, Эймон сидел с ними и без подсказок начал рассказывать им больше о своем времени и о том, как он оказался в качестве Последнего Таргариена.

«Большую часть своей жизни я считал себя ублюдком, а отца насильником». Эймон сказал, что шокировал всех троих, и когда Рейнис пошла защищать своих будущих родственников, Висеня улыбнулась, но попросила Аэмона продолжить: «Мой дедушка был либо злым, либо сумасшедшим в зависимости от того, с кем вы говорите. Со временем я пришел к выводу, что он был и тем, и другим, хоть и не по выбору, но это история для другого времени. Достаточно сказать, что он был катализатором того, что произошло дальше, и хотя другие сыграли свою роль, он, по сути, был причиной восстания, которое оставило наш дом только с четырьмя членами. Двое были вынуждены покинуть страну, один служил у Стены, а я воспитывался в Винтерфелле моим дядей как ублюдок». Эймон сказал, что последняя часть одновременно горькая и все же не одновременно.

Она посмотрела на Эйгона, который теперь наблюдал за Эймоном еще более остро, упоминания о Винтерфелле было достаточно, чтобы привлечь больше его интереса. В то время как она и Рейнис сосредоточились на том факте, что в мире осталось всего четыре Таргариена и что их правление, по сути, было узурпировано, Эйгон, которую она знала, думала о Старках, и поэтому именно к ним она обратила свои собственные мысли. Как раз в тот момент, когда она собиралась спросить Эймона, были ли это Старки или какой-то другой Дом, контролирующий Винтерфелл, Эймон заговорил еще немного.

«Мой дедушка любил сжигать людей. Это, я с ужасом могу сказать, возбуждало его сексуально. Именно из-за этого, из-за того, как он относился к моей бабушке, и потому, что мой отец понимал, что если он не будет действовать, то кто-то другой сделает это, был проведен турнир, и на этом турнире моя мать встретила моего отца». Эймон сказал, глубоко вздохнув: «Лианна Старк, волчица из Винтерфелла. Обручена с человеком, которого она ненавидела и не собиралась выходить замуж, и с моим отцом, Рейгаром Таргариеном, наследным принцем Вестероса, женатым мужчиной с ребенком и еще одним в пути».

Висеня была не единственной, кто задыхался, Рейнис смотрел на Эйгона, а он на нее, как продолжал Эймон.

«Любовь – это смерть долга, проклятие чести. Что такое честь по сравнению с женской любовью? Что такое долг против ощущения новорожденного сына на руках... или воспоминание об улыбке брата? Ветер и слова. Ветер и слова. Мы всего лишь люди, и боги создали нас для любви. Это наша великая слава и наша великая трагедия». Эймон сказал, и ее глаза поймали его собственный, когда он посмотрел на нее, сочувственный взгляд, который несколько разозлил ее: «Мой двоюродный дядя Эймон, которого я знал слишком короткое время, сказал мне, что когда-то и никогда не было так верно, как с моим отцом и матерью. Они встретились, влюбились, и Царство истекло кровью из-за того, как они относились друг к другу».

Эймон встал со своего места, подошел к открытому окну и выглянул на несколько мгновений, которые дали ей, Рейнису и Эйгону шанс впитать то, что он только что сказал. Глядя на Эймона, она видела, что даже это сказалось на нем, и поэтому она была удивлена тем, как быстро он вернулся и занял свое место, и тем более, когда он снова начал говорить.

«То, что произошло дальше, — это домыслы с моей стороны, некоторые истины, полуправда и вещи, которые я смог выяснить с течением времени. Мой отец выиграл рыцарский турнир и короновал мою мать, а не жену, что вызвало такой большой скандал, как вы можете себе представить. Чуть более года спустя и отец, и мать сбежали, или, как меня так долго заставляли верить, он похитил ее. Мой дядя Брэндон Старк поехал в Королевскую Гавань и позвал моего отца, попросил его выйти и умереть, хотя его там не было, и угроза жизни наследного принца была смертным приговором. Вороны были посланы, разгневанные слова

произнесены, мой другой дедушка Рикард Старк пришел и предложил себя в качестве чемпиона для своего сына и нашел сумасшедшего, который был одержим огнем».

«Почему это вызвало скандал? Помимо сломанной обручки, которую можно исправить, захват вашим отцом другой жены будет или не должен быть проблемой?» — спросил Эйгон.

«Времена изменились, мой господин, то, что наш Дом когда-то мог делать безнаказанно, было гораздо труднее сделать без драконов, чтобы поддержать их». — сказал Эймон.

«Драконов не было, но...» — сказала Висеня, а Эймон посмотрел на нее и улыбнулся, на этот раз более полная улыбка.

«Моя тетя вернула их, моя леди, первых драконов, которых видели более чем за сто лет, привезенных девушкой пяти и десяти лет, которую большинство списало как неуместность, дураками, которыми они были». Эймон с гордостью сказал: «Но снова история на другой день. Теперь, где я был... Да, как я уже сказал, мой дедушка был и злым, и сумасшедшим, и поэтому вместо того, чтобы назвать чемпиона для моего другого дедушки, он назвал огонь и сжег его заживо. Моего дядю повесили за шею с мечом, который был вне досягаемости, и сказал, что если он сможет дотянуться до него, то он спасет своего отца, и он умер в попытках, что было намерением моего деда. Не удовлетворившись убийством их обоих и людей, которые ехали с ними, он приказал привести моего другого дядю к нему вместе с человеком, которого мой дядя назвал братом по своему выбору».

Каждое новое открытие казалось худшим, чем другое, и так же, как она думала, что большего быть не может, она оказывалась очень неправой, хотя даже она никогда не могла предвидеть, что должно было произойти.

«Роберт из дома Баратеон, самый близкий и верный друг моего дяди Неда. Человек, который возглавит восстание против нашего Дома, убьет моего отца и будет нести ответственность за смерть своей жены и детей, моего брата и сестры».

— Баратеон? — смущенно спросил Эйгон.

«Потомок Ориса Баратеона, основателя его дома и брата-бастарда короля Эйгона Завоевателя и его сестер-жен, королевы Рейнис и королевы Висени Таргариен». — сказал Эймон, и тогда наступил хаос.

Ей пришлось встать между Эйгоном и Эймоном, хотя только один, казалось, был готов сражаться. Рейнис удерживала своего брата, в то время как она обеспечивала барьер между ними, и когда Рейнис успокоил Эйгона, она попыталась сделать то же самое с Эймоном, но обнаружила, что в этом нет необходимости. Он был спокоен, собран, и все же он носил тот же самый взгляд, который она слишком часто видела на его лице. Тот взгляд сильной грусти, который казался почти постоянным, и все же на этот раз, казалось, был не для него самого.

«Есть гораздо хуже, прежде чем я закончу рассказывать свои сказки, моя леди. Я даже по-настоящему не добрался до того, что причиняет мне боль, не говоря уже о тех, которые вызовут у вас еще больше». — сказал Эймон, глядя на нее.

«Тем не менее, доберитесь до них, вы это сделаете», — решительно сказала она, а он кивнул.

Драконий камень 3 до н.э.

Рейнис.

Слова, которые он сказал до сих пор, были невероятными для нее, и если бы не гнев Эйгона, то она сосредоточилась бы на своих собственных беспорядочных мыслях. Ее муж был зол, хотя и был готов лопнуть, и она не могла обвинить его в этом. Сказать, что человек, которого он считал братом, каким-то образом поможет привести к концу их Дома, не было чем-то, к чему они относились легкомысленно. Для Эйгона это было нечто большее, гораздо большее, и поэтому, когда он ответил обвинениями в намерениях Эймона, она присоединилась к нему. Оба они, к своему удивлению, узнали, что Висеня стояла по другую сторону от них, когда бушевали споры.

"You come here and name my brother by choice a traitor. Seek to drive a wedge between us? To what end? To what purpose for surely you know it'll fail." Aegon angrily shouted.

"He does not, Aegon, he's telling a tale and it's up to us to decide what to do with what we're told. He doesn't seek you to move against Orys, do you Aemon?"

"And you're taking his side, Visenya? Does family mean nothing to you?" Aegon retorted and Rhaenys heard the slap ring out loud and hard.

«Никогда не обвиняйте меня в этом, чтобы не почувствовать мой клинок в следующий раз? Никто не заботится о семье больше, чем я, Эйгон Таргариен, никто, и обязательно не забывайте, что в следующий раз вы будете лежать с нашей сестрой». Висеня плюнула.

Она знала, что сейчас нет никакого способа решить эту проблему, кровь Эйгона поднялась, как и кровь Висении, и это могло бы только выродиться в гораздо больший раскол, если бы она не действовала сейчас. Глядя мимо своей сестры на Эймона, он должен был увидеть человека, который не наслаждался хаосом, который он создал, если что, он выглядел отчаявшимся из-за этого. Либо он был ряженым, либо то, что он сказал, заставило его сказать это, и она считала, что это последнее. Поэтому, кивнув Висенье, она взяла Эйгона за руку и вывела его из комнаты.

Именно в сады, а не в их комнату, она водила его. Рейнис знал разум своей любви лучше, чем кто-либо другой, и хотя он создал сад якобы для нее, именно он нашел в нем больше всего покоя. Она почувствовала, что он немного расслабился, когда он понял, куда она его ведет, и как только они достигли этого, она позволила ему шагать и выплескивать, прежде чем двигаться к нему. Ее руки, ее поцелуи вскоре заставили его расслабиться еще больше, и именно тогда, когда она почувствовала, что он достаточно спокоен, она заговорила.

«Я не верю, что Эймон делает то, что ты думаешь, моя любовь. Я посмотрел ему в глаза, там нет ни ряженой, ни намерения разделить нас там».

«Он назвал Ориса предателем». Эйгон взбалмошно ответил.

«Нет, моя любовь, он этого не сделал. Он назвал будущего потомка своего единственного и, учитывая остальную часть истории, даже это предательство, кажется, имеет некоторые основания для этого».

"Рей..." — сказал он в ужасе.

«Мы должны прислушиваться к большему, Эйгон, чтобы узнать все, что мы можем, и оттуда сделать лучший выбор в будущем».

«Ты хочешь, чтобы я отказал Орису?» Эйгон спросил, что боль в его голосе ясна.

«Никогда. Я бы хотел, чтобы вы знали об этом так же много, как и о планах, которые мы строим, Эйгон. Быть таким же подготовленным на одном поле битвы, как и на другом, ибо отметьте мои слова, это битва, которую Аэмон здесь, чтобы вести».

Ее слов, за которыми последовали ее поцелуи, было достаточно, и вскоре они вернулись в крепость. Когда они вернулись в комнату, они увидели Висенью, сидящую рядом с Эмоном, ее рука держала его, когда она тихо говорила с ним, и Рейнис почувствовал, как Эйгон застыл рядом с ней. Им нужно будет говорить, все трое в одиночку, и сделать это раньше, чем позже. На данный момент им нужно было больше услышать историю, которую начал рассказывать им Эмон, и выяснить, как это привело к рассказу, который он рассказал о том, как ходили мертвые мужчины и о падении каждого мужчины, женщины и ребенка не только в Вестеросе, но и в Эссосе.

«Ты назвал моего брата предателем, Эймон, назвал дом, который он должен основать, предателями, прости меня, если мне будет трудно это принять». Эйгон сказал, что делает первый шаг, чтобы преодолеть разрыв, который угрожал сформироваться между ними всеми.

«Орис не предатель, мой господин. Ни один человек никогда не сможет быть для вас таким Же Леалом, как он, простите меня за то, что мне показалось, что это было целью моей истории». — сказал Эймон.

«Назовите меня Эйгоном, я думаю, что пришло время положить конец этой приличиям между нами. Я Эйгон, она Рейнис, а она Висеня». Эйгон сказал, и с кивками от нее и Висеньи, Эймон, казалось, принял это.

«Твоя сказка, Эймон, молись продолжайся», — сказала она, когда они с Эйгоном сели.

«Как ты приказываешь, мой... Рейнис». Эймон сказала, что, когда она подняла на него бровь, маленькая улыбка на его лице значительно скрасила его черты лица: «После того, как я приказала моему дяде и Роберту прийти и предстать перед своими собственными приговорами и потребовала, чтобы их приемный отец отказался от них, началось восстание. Затем наш Дом допустил несколько глупых ошибок, мы превзошли тех, против кого боролись, и все же они были быстрее и мобильнее, и хотя они боролись за одно дело, на нашей стороне были те, кто был расколот».

«Больше предателей?» — спросила она раньше, чем Эйгон.

«Более того, были те, кто хотел бороться за моего отца, некоторые за моего деда, а некоторые знали, что перемены должны наступить. Однако мой отец был далеко от поля боя в Дорне и не знал обо всем, что произошло с тех пор, как он и моя мать сбежали. В конце концов, он был достигнут и отправился вести нашу армию на войну, оставив мою мать, которая была с ребенком, охраняемой в башне в Дорне, и его силы все еще раскололись и столкнулись с армией, которая была более закаленной в боях, чем его собственная. В конце концов, у Трезубца произошла судьбоносная битва». Эймон сказал, и она наблюдала, как он уравнивался и как Висеня мягко коснулся его руки, чтобы позволить ему сделать это: «Роберт Баратеон убил моего отца, и с этого момента война закончилась. Потери их принца было достаточно, чтобы привести к капитуляции его армии, и так началась гонка в Королевскую Гавань».

«Королевская Гавань, о которой вы упоминали раньше, и все же я не знаю о таком месте?» — спросил Эйгон.

«В устье Заводи, Эйгон, город, построенный, чтобы служить столицей Семи Королевств».

Висеня сказал, и Рейнис посмотрел, чтобы увидеть сначала удивление на лице Эйгона, а затем гордость перед тем, как Эймон начал снова.

«Не все армии сражались одинаково в Восстании. С одной стороны, у вас были повстанцы, Север, Штормовые земли, Вейл и половина Речных земель, с другой стороны, Дорн, Коронные земли и Лорды Узкого моря вместе с Досягаемостью, хотя они осаждали, а не маршировали. — сказал Эймон, покачивая головой.

«Эймон?» — спросила она с любопытством.

«Прости меня. Больное место между мной и семьей моей жены». — сказал Эймон, и Висеня слегка застыла.

Она собиралась спросить его, в каком доме он женился, и она знала, что Висеня тоже хотела спросить то же самое, но это был Эйгон, чей вопрос стоял перед их собственным.

«Запад, ты не упомянул их, Эймон, почему?»

«Львы ждали, они смотрели и судили о подходящем моменте для удара. В течение многих лет Тайвин Ланнистер и мой дедушка были друзьями и союзниками, но со временем и многими пренебрежениями со стороны моего деда отношения стали напряженными. Таким образом, в то время как восстание бушевало, Запад сидел и двигался только тогда, когда он был близок к своему концу. Полагая, что его старый друг пришел ему на помощь, мой дед открыл ворота Королевской Гавани, и львы пировали на всем, что видели. Это были люди Ланнистеров, которые убили жену моего отца и убили моих братьев и сестер, подарки новому королю и цену за королеву, которую они намеревались короновать». Аэмон плюнул.

— Прости, Эймон. — тихо сказала Висеня, ее рука теперь касалась спины Эймона, и когда она посмотрела на Эйгона, Рейнис увидел эту короткую ревнивую искру в его глазах и не понравилось.

"Я... мой дядя приехал, чтобы найти моего дедушку мертвым, зарезанным в спину его собственным защитником. Хотя я не могу винить этого человека за это, и со временем я нашел его Леалом и хорошим человеком, и я был достаточно счастлив, чтобы назвать друга. Последним желанием моего деда было увидеть горящий город, сжечь их всех, и поэтому я не оплакиваю его потерю и не виню человека, который лишил его жизни». Эмон сказала, и хотя часть ее хотела сказать ему, что он ошибался, она не могла: «Через некоторое время Роберт Баратеон был объявлен королем Вестероса как из-за завоевания, так и из-за того, что его кровь была связана с нашей. Человеку, которого мой дядя назвал своим самым верным другом, подарили окровавленные тела матери и ее детей». Аэмон перестал говорить и взял кружку воды, слив ее в одну «Женщину, которая была изнасилована и разрезана почти пополам после того, как стала свидетелем того, как ее новорожденного сына так сильно швырнули в стену, что его голова была раздавлена, и трехпоминная старушка, которую зарезали полсоты раз. Жена моего отца, брат и сестра».

Кто задыхался громче всех, она не знала, ни она, ни Висеня, ни даже сам Эйгон. Тем не менее, именно звук кружки, брошенной к стене, звучал громче всех.

«Я не вижу младенцев, только Драконий Порав!» Эмон прорычал: «Это были слова человека, которого мой дядя назвал хорошим, истинным и подходящим для того, чтобы воссесть на моем троне. Человеку, которому потребовалось пять и десять лет, чтобы увидеть правду, и тот, кого он даже хотел видеть, поклялся в моей жизни. Орис хороший человек и истинный, мой господин. Его потомком не было, и есть несколько людей, которые жили, которых я ненавижу

больше, чем Роберт Баратеон». — сказал Эймон, и взгляд в его глазах доказал, что это правда.

Драконий камень 3 до н.э.

Эмон.

Его первая ночь здесь принесла так много воспоминаний, как хороших, так и плохих, и он пытался игнорировать одно и сосредоточиться на другом. Он рассказал свою историю или столько, сколько был готов рассказать, и обнаружил, что это удивительно легко сделать. Эмон говорил о событиях, которые заставили его потерять веру во все, во что он когда-либо верил, так же легко, как если бы он вел разговор о событиях в суде. Слова пришли, и он произнес их так, как будто они не случились с ним и теми, кого он любил, даже сумев заставить их звучать так же холодно и неинтересно, как некоторые из томов, которые он читал на протяжении многих лет.

То, что он держал это в битвах, которые велись, в правде о том, с чем им предстояло столкнуться, и насколько плохо они были подготовлены к этому, было причиной, по которой он смог справиться с этим. Теперь здесь он говорил о других истинах, гораздо более личных истинах, и это было намного сложнее. Временами он чувствовал, что его эмоции угрожают переполнить его, и он еще даже не дошел до сути дела. Вместо этого он просто говорил о Восстании и о том, как оно произошло, о событиях, которые привели к нему, и этого было почти достаточно, чтобы заставить его полностью потерять самообладание. Если бы не Висения, предложившая ему комфорт, которого он не чувствовал, кто знал сколько лет, то он, вероятно, вырвался бы из этой комнаты так же, как и из спарринг-двора. Ее присутствие, взятие его за руку и слова, которые она шептала ему, давали ему силы продолжать, и он был очень благодарен за все это.

«После того, как тела моего брата и сестры были увезены, мой дядя захотел разыскать мою мать, все еще полагая, что она была похищена моим отцом. Тем не менее, он был отправлен в Штормовой Конец, чтобы снять осаду, и поэтому через несколько лун он, наконец, прибыл в Башню в Радости, куда сбежали мои мать и отец. Когда мой отец умер, мой брат и сестра тоже, именно мне достанется Железный трон, и поэтому люди, защищающие мою мать и меня, сражались и храбро сражались против моего дяди и его собственного. Увы, их было всего трое, столкнувшихся с семьей, и боги уже определились с ходом этой конкретной битвы». — сказал Эймон, закрыв глаза, думая о людях, упавших в Башне Радости, о троих, которых он мог бы использовать в предстоящих битвах, и о пяти, которые, возможно, сделали такие различия на Севере.

— Ты, твоя мать? — спросилА Висеня, и Эймон открыл глаза, понимая, что он не говорил в течение нескольких мгновений.

«Мой дядя нашел мою мать умирающей в родильном ложе, не было мастера, потому что им нельзя доверять», — сказал он и увидел, как Висеня посмотрела на Эйгона почти с тем, что я сказал вам, так что посмотрите на ее лицо: «С ее предсмертным дыханием она заставила его пообещать защитить меня. Со временем я узнал, что в этом было нечто большее, но это было ключевым моментом, и в этом вы можете сказать, что он делал свою работу достаточно хорошо».

«Тем не менее, он воспитал тебя как ублюдка». — сердито сказал Эйгон, и эймон удивился, увидев его таким.

«Если бы я был правдой, то я бы не прожил достаточно долго, чтобы встретиться с моей женой

и отцом моих детей. Моему дяде есть на что ответить, на вопросы, которые я никогда не задавал ему, и хотя он подвел меня в некоторых отношениях, в других он этого не сделал. На протяжении многих лет я находил, что лучше сосредоточиться на успехах, а не на неудачах», — сказал он, и это было так же верно, как он когда-либо говорил слова.

Маргери никогда не прощала своему дяде то, как он был воспитан, ее бабушка тем более, и те, кто поддерживал его семью, никогда не будут говорить о Неде Старке так же, как мужчины Севера. Однако Эймон давно примирился с ним. Его дядя искал легкой жизни, лучшей из всех миров, и дорого заплатил за свои ошибки. Тем не менее, перед его концом он прошел за ним. Поэтому, хотя он никогда не разговаривал с ним и не решал проблемы между ними, он не обвинял его.

«У меня была достаточно хорошая жизнь, лучше, чем у большинства ублюдков, и царство продолжало заниматься своим делом, как будто мы не управляли им почти триста лет. Роберт Баратеон был чревоугодником, шлюхой и расточителем, а Ланнистеры обладали слишком большой властью, но люди, которые работают на полях, царапают и скребут для своей жизни, заботятся не о прихотях королей и лордов, у них гораздо более насущные заботы. Так что все было хорошо, пока этого не произошло, и убийство снова не привело все в движение».

— Король? — спросил Рейнис, и Эймон покачал головой.

«Рука его, — сказал он растерянными взглядами, — человек, на которого царь полагался больше всего, который правил вместо него, когда он не мог, и видел о повседневном управлении Семью Царствами». Эймон сказал, и хотя он прояснил это, он на самом деле не знал: «С ним мертвым, это был мой дядя, на которого смотрел Роберт, и мой дядя никогда не мог отказать Роберту ни в чем, даже в руке его дочери для жестокого сына этого человека». Эймон насмехался, думая о Джоффри, и хотел насладиться его концом, но не смог.

«Значит, он не только назвал тебя ублюдком, но и узурпировал тебя?» — спросила Висеня, и Эймон знал, что то, что он скажет дальше, разозлит ее еще больше, ее любовь к их семье и Хаусу была еще более страстной, чем его собственная в конечном итоге.

«Да, в каком-то смысле. Хотя он и не подумал бы, что он так поступает, и в этом я могу сказать, что не виню его. Мой дядя никогда так не думал, как бы странно это ни казалось. Он никогда не заботился о власти или положении и всегда был ослеплен, когда дело доходило до его ближайшего друга. Я считаю, что он согласился на матч, потому что хотел, чтобы их Дома присоединились, и не больше, и к тому времени мой путь уже был определен, и именно к Стене мое будущее привело меня».

«Он послал тебе Стену! Он осмелился послать дракона к Стене!» Висеня закричала, когда она поднялась на ноги, и на этот раз именно он предложил ей некоторое утешение, то, что Эйгон, казалось, не очень радовал.

«Я сделал свой собственный выбор, правда, я сделал это, не зная правды о себе и имея мало других доступных вариантов. Мой дядя хотел, чтобы я поехал туда, и несколько подбадривал меня, хотя он не раз отказывал мне в отъезде, но он никогда не посылал меня. Он просто никогда не останавливал меня». — сказал Эймон, и Висеня успокоилась.

— Ты был братом Ночного Дозора? — с любопытством спросил Эйгон, и Эймон покачал головой.

«Судьба, возможно, привела меня к Стене, но моей судьбой никогда не было умереть там. Я встретил человека, который должен был быть королем, человека, который отказался позволить

другим использовать его, чтобы навредить правлению своего брата, и который вместо этого решил служить у Стены в качестве ее мастера. Мой тезка Эймон Таргариен, величайший человек, которого я когда-либо знал», — с любовью сказал он: «Это он открыл мою истину и настроил меня. Он и события в Королевской Гавани, которые решили мою судьбу и судьбу многих других».

Он вспомнил это так, как будто это было вчера, его двоюродный дед отвел его в сторону после того, как он спас жизнь Джеора Мормонта. Слова, которые он сказал ему, а затем новости из Королевской Гавани, в которых его дядя был назван предателем. К тому времени, когда вслух прозвучали слова о том, кем он был на самом деле, заключительный акт от его дяди, прежде чем они взяли его голову, война уже была неизбежна. Война, которая стоила ему друзей, семьи, где он пострадал от предательства и нашел правду о том, кем он был внутри себя. Это принесло ему Лила и Хороших людей, жену, Добрую семью и, наконец, корону, и это была всего лишь тень истинной войны, которая должна была произойти, Великая война — единственная война, которая имеет значение.

Глядя в небо, он мог видеть темноту и знал, что Час Волка прошел, что означало, что он говорил часами в конце. Он даже не охватил всю полноту всего, что ему нужно было сказать им, но он мог видеть, что они и он были так же уставшими, как и друг друга.

«В моей истории есть нечто большее. Война за корону, а затем и ту, которая забрала у меня все, что я любила. Есть рассказы о нашей семье, как хорошие, так и плохие, которые я не знаю, если они имеют какое-либо значение для того, что вы собираетесь делать. На любой ваш вопрос обо мне я отвечу, если вы пожелаете мне этого, то я закончу свой рассказ, когда вы этого пожелаете. В конце концов, это почти не имеет значения». — сказал Эймон, и Эйгон и Рейнис посмотрели на него, как будто он был сумасшедшим, в то время как Висеня — нет.

«Потому что ты здесь, а не там». — сказал Висеня и кивнул.

«Я здесь, и хотя я не знаю, почему боги выбрали этот путь, это путь, по которому я должен теперь идти», — сказал он, поднявшись на ноги и переехав в Эйгон. — Мой меч твой, мой дракон твой. Какую бы задачу вы ни требовали от меня, вы должны назвать ее. — он опустился на колени перед Завоевателем и наблюдал, как Висеня двинулась, чтобы присоединиться к Эйгону и Рейнису: «Меня зовут Эймон Таргариен, Драконий всадник к Рейгалу, и я твой, чтобы командовать».

3 г. до н.э. за Стеной.

Это место казалось странным, другим, не таким, каким он его помнил и приветствовал его. Не было мертвых вещей, которые стремились бы к его концу, и холод чувствовал себя меньше, чем когда-то. Тем не менее, он был один, и он хотел этого не делать. Его братья и сестры ушли, даже свирепая сестра не могла его почувствовать через связь, которую они все разделяли. Что касается его привязанности, он не знал, где он находится, и он беспокоился за него без него.

Поэтому он бегал, охотился, когда хотел, и игнорировал людей, которые пахли как те, кого он знал раньше, но не были ими. Он бегал и спал только тогда, когда не мог этого не делать. Сны вскоре пришли к нему, и конец, который он вспомнил, заключался в том, что он знал, что скоро станет частью этих снов. Он яростно сражался, закончил больше мертвых вещей, чем любая из двух ног и их стальных рук, и все же этого было недостаточно. Бегите, сражайтесь, защищайте, это было все, что он знал до того, как наступил конец. Что он должен бежать, бороться и защищать. Маленький двухфутовый, который тер его за ухом, и другой, который не мог дотянуться до него, когда он встал, и двухфутовый, пахнущий цветами, которые его

связывали для своего партнера. Бегите, сражайтесь и защищайте, и он сделал две из этих трех вещей, но третья была выше его в конце.

Их было слишком много, и зубы и когти могли сделать только так много. Вдалеке он чувствовал свою связь и беспокойство, которое он чувствовал, панику и необходимость делать то, что он делал. Тем не менее, его связь была слишком далека, чтобы сделать это, и это было оставлено ему, бежать, бороться, защищать, он делал все, что мог, и даже боль, которую он чувствовал, когда его хватали и причиняли боль, не останавливала его. Он добрался до комнаты, когда почувствовал, как жизнь уходит от него, две ноги все там смотрели на него, и он чувствовал их слезы, когда они плакали над ним, когда он ложился. Затем он проснулся, когда мир загорелся, и оказался здесь, в этом месте. Это место он знал и до сих пор не знал.

Бегите, сражайтесь, защищайте, слова пробежали через его голову, когда он увидел другое место, которое он знал когда-то раньше. Большая стена не была для него препятствием, так как он знал тайные пути через нее и мимо нее, и белое дерево открыло рот и пропустило его на другую сторону. Он почувствовал его тогда, почувствовал его по-настоящему и приветствовал его обратно в свой разум и дух. Связь сформировалась еще раз, и он услышал это слово, хотя оно было произнесено за много миль от того места, где он был. Его связь была в месте, где он бегал свободно и играл двумя ногами, которых здесь больше не было.

"Призрак», — сказал его Хозяин, и поэтому он снова начал двигаться.

Беги, сражайся, защищай. В конце концов, такова была его роль.

<http://tl.rulate.ru/book/85872/2746781>